

**Теплые
камни**

Елена К.

Елена К.

Теплые камни

<https://litres.ru/74262907>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Тёплые камни»: история о том, как дом находит тебя снова

В маленьком городке Приречном время течёт неторопливо, а каждая мелочь — от кособокого пирога до старой брошки — хранит чью-то историю. Ваня Соколов возвращается домой спустя десять лет: его мама сломала ногу, и теперь ему предстоит заново учиться простым вещам — месить тесто, чинить крышу, слушать чужие рассказы и не бояться, если что-то не получается с первого раза.

Вместе с соседями он переживает смешной и трогательный праздник урожая, находит в грядке загадочный предмет, помогает разбирать старый дом и вдруг понимает: прошлое — не пыльный сундук в углу, а живая память, которая согревает.

Это тёплая, уютная книга о корнях и доме, о том, как важно не растерять тепло простых человеческих связей. В ней нет громких подвигов — зато есть запах свежего хлеба, скрип калитки, смех сквозь дождь и уверенность: дом там, где тебя ждут.

Содержание

Глава О Ване	4
История первая. Как Ваня с дядей Колей на рыбалку ходил	9
История третья. Как весь город ловил поросёнка Борьку	12
История четвёртая. Как Ваня чинил крышу, а Барсик был главным «помощником»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена К.

Теплые камни

Глава О Ване

В маленьком городке на берегу широкой реки жизнь текла неторопливо, будто река решила взять выходной и просто постоять, любуясь отражением облаков. Городок этот все называли Приречным — не из-за особой фантазии, а потому что иначе и не скажешь: стоит у реки, и всё тут.

Иваном Соколов был самым отчаянным мальчишкой на улице Заречной, который первым прыгал с тарзанки в воду и последним уходил с речного пляжа, когда солнце уже садилось и комары начинали репетировать свой вечерний хор.

Теперь Ваня вернулся спустя десять лет. Не по зову сердца, а по делу: его мама, Мария Петровна, сломала ногу, спускаясь по крутым ступенькам к колодцу. Ступеньки эти были старше самого города, и все знали, что ходить по ним надо осторожно, но Мария Петровна всегда торопилась. «Вода сама себя не принесёт!» — говорила она и летела вниз, будто ей было не шестьдесят пять, а шестнадцать.

Ваня стоял у калитки, вдыхая родной запах — свежей травы, печёного хлеба и чего-то такого, что бывает только дома:

будто детство никуда не ушло, а просто спряталось за сараем и ждёт, когда ты придёшь.

Калитка скрипнула, словно сказала: «Ну наконец-то, я уж думала, заржавею от ожидания».

— Ванька?! — крикнули из глубины двора, и через секунду тётя Люба уже обнимала его так крепко, что у Вани хрустнуло что-то в районе рёбер.

— Тётя Люба, я дышать не могу.

— Зато теперь я точно знаю, что ты не привидение. А то мало ли, вдруг ты просто от жары мерещишься. В такую жару и не такое бывает. В прошлом году дядя Коля клялся, что видел, как у него на грядке огурец сам собой перевернулся. Говорит: «Смотрю — лежит боком, а через минуту уже спинкой вверх!» Мы ему, конечно, верим... наполовину.

Мария Петровна сидела на диване, гордо выставив загибанную ногу, будто это был трофей за особо выдающуюся спешку.

— Ну вот, явился, — буркнула она, но глаза у неё сияли так, что можно было бы ночник не включать.

— Мам, я не забывал.

— Ладно, ладно. Раз уж приехал, будешь мне помогать. Завтра надо пироги печь. Ты хоть помнишь, как это делается, или в большом городе тебя научили покупать их в магазине с надписью «Как у бабушки»?

Ваня улыбнулся:

— Помню. Ты всегда говорила: «Тесто любит руки, а не

машину. В машине оно без души».

— Вот-вот. А ещё оно любит, чтобы с ним разговаривали по-хорошему. Один раз я так строго сказала: «А ну-ка поднимайся!», что тесто испугалось и осело. Пришлось начинать заново. Теперь я с ним только ласково: «Ты у меня хорошее, ты у меня пышное».

На следующее утро Ваня месил тесто, а Мария Петровна командовала с дивана:

— Нежнее, нежнее! Ты его не наказываешь, ты с ним договариваешься! Скажи ему: «Мы с тобой справимся, мы же команда!»

— Мам, я тесто уговариваю. Это странно.

— Ничего странного. С людьми иногда тоже приходится договариваться, чтобы они росли. А тесто — оно проще. Ему только тепла и доброго слова надо.

Тётя Люба заглянула в кухню, посмотрела на Ваню, который нежно поглаживал тесто, и вздохнула:

— Какой мужчина пропадает! В городе, наверное, все женщины с ума сходили.

— Тётя Люба, я просто тесто месил.

— А я говорю — пропадает. Такой талант пропадает! У нас в Приречном никто тесто так не уговаривает. Все кричат: «Поднимайся, зараза!» А оно, понятное дело, обижается и не поднимается.

К обеду тесто поднялось, пироги получились пышными, а Мария Петровна сказала:

— Видишь? Душа есть. А всё потому, что ты с ним по-доброму.

Вечером Ваня вышел во двор и сел на старую скамейку. Мария Петровна осторожно вышла следом, опираясь на палку.

— Знаешь, сынок, — сказала она уже без ворчания, — я рада, что ты вернулся. Дом без тебя был как пирог без начинки: вроде и корка есть, и вид приличный, а внутри — пустота.

Ваня взял её руку в свою. Она была тёплой, морщинистой, такой родной.

— Я тоже рад, мам.

И тут из темноты выскочил соседский кот Барсик, прыгнул Ване на колени, посмотрел на него с видом «я тут главный» и громко замурчал.

— Вот видишь, — усмехнулась Мария Петровна, — даже кот понял, что ты дома. А он, между прочим, чужих не любит. Прошлого гостя он три дня под кроватью держал.

Ваня почесал Барсика за ухом, и тот зажмурился от счастья.

— Значит, я свой, — тихо сказал Ваня.

— Свой, — подтвердила мама и улыбнулась.

И в этот момент он понял, что дом — это не просто стены. Это когда тебя встречают так, будто ты вернулся из кругосветного путешествия, хотя ты просто зашёл за солью. Это когда тесто надо уговаривать, а кот считает тебя главным че-

ловеком в мире. Это смех, ворчание, истории, которые повторяются каждый год, и ты всё равно слушаешь их, потому что в них — тепло.

История первая. Как Ваня с дядей Колей на рыбалку ходил

На следующее утро тётя Люба появилась у калитки ровно в пять — раньше, чем проснулись куры.

— Вставай, герой, — шептала она так громко, что, наверное, слышали даже в соседнем районе. — Дядя Коля ждёт, а на утренний клёв опаздывать нельзя. Говорят, сом в это время такой разговорчивый, что чуть ли не стихи читает.

Ваня натянул старые джинсы, накинул куртку и вышел во двор. Дядя Коля стоял у забора с удочками, будто генерал перед парадом.

— Ну наконец-то! — пробурчал он. — Я уж думал, ты там в городе разучился рассвет видеть.

Река в этот час была тихой, словно боялась спугнуть рыбу. Над водой стелился лёгкий туман, а воздух пах мокрой травой и чем-то бесконечно родным.

Дядя Коля показал, как насаживать червяка, как держать удочку и главное — как молчать.

— Рыба любит тишину, — шептал он. — Если будешь болтать, она подумает, что тут митинг, и уплывёт.

Ваня сидел, смотрел на поплавок и вдруг почувствовал, что десять лет городской суеты потихоньку смываются этой

тишиной, как мел с доски.

И тут поплавок дрогнул. Потом ушёл под воду. Ваня дёрнул — и удочка согнулась дугой.

— Держи! Держи! — зашептал дядя Коля, но уже не тихо, а так, будто объявлял победу на чемпионате мира.

Минута борьбы, ещё одна, и из воды выскочил огромный лещ. Он сверкнул боком на солнце, будто подмигнул: «Ну что, городской, думал, я простой?»

Когда они вернулись, весь Приречный уже знал: Ваня Соколов поймал леща, который, по словам дяди Коли, «мог бы сам лодку утащить». Тётя Люба тут же объявила, что лещ будет главным блюдом на общем ужине, а Мария Петровна, хоть и ворчала, что «нечего из рыбы устраивать праздник», улыбалась так, что морщинки вокруг глаз складывались в весёлые узоры.

История вторая. Как варили варенье и чуть не сожгли сарай

Через пару дней Мария Петровна заявила, что пора варить варенье из крыжовника.

— Крыжовник сам себя не сварит, — сказала она с таким видом, будто это была государственная задача особой важности.

Ваня, уже привыкший к тому, что в Приречном даже варенье — это событие, послушно перебирал ягоды, а тётя Люба рассказывала истории про каждую банку.

— Вот эту будем дарить учительнице музыки, она любит

кислое. А эту — почтальону, он всегда улыбается, пусть и дальше улыбается.

Кастрюля булькала, по кухне плыл густой, сладкий запах, и казалось, что лето собралось в одной комнате и не хочет уходить.

Но тут случилось непредвиденное.

Тётя Люба, увлечённая рассказом про то, как в прошлом году крыжовник «сам собой убежал из кастрюли», забыла про огонь. Сахар начал темнеть, по кухне пополз запах жжёного.

— Ой! — вскрикнула она и схватила кастрюлю, но та была горячеей, как вулкан.

Ваня метнулся к крану, схватил полотенце, обернул им ручку и снял кастрюлю с плиты.

— Фух... — выдохнул он.

Мария Петровна, сидевшая в кресле, только покачала головой:

— Ну вот. Теперь у нас варенье с дымком. Зато будет чем похвастаться: «Это не просто варенье, это с историей!»

И правда, варенье получилось с лёгкой горчинкой, но все, кто его пробовал, говорили, что это самый вкусный крыжовник на свете — потому что в нём есть приключение.

История третья. Как весь город ловил поросёнка Борьку

А потом случилось то, о чём в Приречном вспоминали ещё долго.

У тёти Нади из соседнего переулка сбежал поросёнок Борька. И не просто сбежал, а устроил настоящий переполох.

Сначала он промчался по центральной улице, распугав кур и едва не сбив с ног почтальона. Потом свернул в переулок, проскочил между ног у дяди Коли, который как раз пытался его схватить, и исчез в зарослях крапивы.

Через полчаса казалось, что весь город вышел на поиски. Дети бежали впереди, крича: «Борька! Борька!», взрослые шли следом, давая советы, а тётя Надя плакала и причитала:

— Да куда ж ты, бессовестный, делся?! Я тебя растила, кормила, а ты...

Ваня заметил следы в грязи и понял, куда мог побежать поросёнок.

— Он к реке пошёл! — крикнул он. — Там прохладно, там он спрячется!

Все бросились к берегу. И правда: в тени ив, у самой воды, сидел мокрый, усталый, но довольный Борька. Он смотрел на людей так, будто хотел сказать: «Ну что, поймали? А я всё

равно молодец, я столько всего успел!»

Дядя Коля подошёл, осторожно взял его за ошейник и сказал:

— Эх, Борька, ты бы хоть записку оставил: «Ушёл гулять, вернусь к ужину».

Весь город смеялся, а тётя Надя обнимала поросёнка и плакала уже от счастья.

Вечером, когда солнце садилось и река становилась золотой, Ваня сидел на скамейке рядом с мамой.

— Знаешь, мам, — тихо сказал он, — я думал, что за десять лет тут всё изменится. А оно... осталось таким же.

— А оно и не должно меняться, — ответила Мария Петровна и накрыла его руку своей. — Оно просто ждёт. Чтобы, когда ты вернёшься, было куда возвращаться.

И Ваня понял, что дом — это не только стены и запахи. Это люди, которые вместе ловят поросёнка, спасают варенье и радуются лещу, будто это самое важное событие в мире. Это тепло, которое никуда не исчезает. Оно просто живёт здесь, в Приречном, и ждёт, когда ты снова придёшь.

История четвёртая. Как Ваня чинил крышу, а Барсик был главным «помощником»

К середине недели небо над Приречным нахмурилось, будто собиралось устроить городу серьёзный разговор. Дождь пока не шёл, но тучи висели так низко, что казалось — вот-вот заденут колокольню.

— Крыша у нас старая, — вздохнула Мария Петровна, глядя на потолок, где в углу уже набухла тёмная точка. — Если ливанёт, у нас вместо люстры будет водопад.

Дядя Коля тут же объявился у калитки с рулоном рубероида и таким видом, будто он не просто сосед, а личный спасатель всех крыш в округе.

— Ваня, ты парень крепкий. Поможешь? Без тебя тут только гвозди считать, а считать я и сам умею.

Ваня улыбнулся. В городе все проблемы решались сообща, и даже если ты десять лет жил в высотке, где крышу чинят невидимые люди в касках, здесь ты снова становился нужным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.